

В приложении дано 5 карт. Наиболее ценны из них карты, показывающие расселение башкирских родовых групп и распространение элементов материальной культуры башкир, а также карта, отражающая физические типы башкир. Все главы книги иллюстрированы.

Несмотря на отмеченные недостатки, книга С. И. Руденко представляет большой научный интерес. Она содержит богатый фактический материал по дореволюционному быту башкирского народа, дает полное представление о национальной специфике башкирской культуры в конце XIX — начале XX в., продвигает вперед решение вопроса об этногенезе башкир и дает материал для дальнейших исследований в этом направлении.

Р. Г. Кузев

Українська народна поетична творчість, Радянський період. Академія наук Української РСР, Інститут мистецтвознавства, фольклору та етнографії, Київ, 1955.

В печати уже отмечалось, что Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР в послевоенные годы проведена большая работа в области публикации и исследования украинской народной поэзии¹.

Рецензируемая книга является учебным пособием для студентов высших учебных заведений по украинскому советскому фольклору. Написана она коллективом фольклористов Института искусствоведения, фольклора и этнографии и до некоторой степени подводит итог многолетнему изучению украинского народно-поэтического творчества.

Книга состоит из введения и 5 глав, в которых рассматриваются основные жанры украинской советской народной поэзии: «Песни», «Думы», «Частушки и коломыйки», «Пословицы и поговорки», «Сказки, легенды, рассказы». Внутри глав выдержан исторический принцип рассмотрения фольклора. Такое построение книги как учебного пособия представляется правильным, так как оно позволило авторскому коллективу показать специфику каждого жанра, его развитие и в то же время проследить, как народная поэзия откликалась на те задачи, которые вставали перед советским народом на разных этапах социалистического строительства.

В книге показано большое воспитательное значение народно-поэтического творчества, что обусловлено высокой идейностью, значительными художественными достоинствами и оперативностью многих жанров народной поэзии: «...мы не должны забывать, — говорится во введении, — что фольклор, как и литература, не только отражает жизнь, но и берет в ней непосредственное активное, творческое участие» (стр. 10). На общественно-воспитательное значение народно-поэтического творчества указывается в каждой главе книги. Как достоинство рецензируемой книги необходимо отметить и то большое внимание, которое уделено в ней анализу художественной формы фольклорных произведений. Отдельные замечания о поэтической форме рассыпаны по всей книге: при анализе идейно-тематических особенностей фольклора авторы учебного пособия, как правило, отмечают и те художественные средства, при помощи которых они воплощены в произведениях. Кроме того, в каждой главе (за исключением последней) художественным особенностям жанра отведены специальные разделы.

В целом книга представляет значительный интерес. Это и не случайно: авторами ее являются научные работники, которые много потрудились над изучением фольклора, — М. Т. Рыльский, П. Н. Попов, Ф. И. Лавров, А. М. Кинько, М. П. Стельмах, П. Д. Павлий, Г. С. Сухобрус. Но книга не лишена и отдельных недостатков, неточностей, спорных положений. Одни из них обусловлены общим состоянием науки о фольклоре, других можно было бы сравнительно легко избежать. Остановимся на некоторых из них.

К числу недочетов рецензируемой книги следует отнести прежде всего недостаточно глубокий анализ поэтических произведений. Анализ произведений искусства должен помочь читателю не только раскрыть их идейное содержание, но и показать, при помощи каких поэтических средств оно воплощено, в чем художественное своеобразие данного явления искусства; показать достоинства и недостатки произведения. Только такой анализ может принести пользу, в книге же «Українська народна поетична творчість» он иногда подменен пересказом содержания произведений или самыми общими замечаниями. Приведем несколько примеров. На стр. 58 после выдержки из песни «Гей, ще сонце не зійшло» говорится: «Песня отличается глубоким идейным содержанием и насыщена художественными образами. Она рисует типичную картину жизни колхозного крестьянства». Можно ли судить об особенностях песни по этому замечанию? Конечно, нет. Его можно отнести к большинству песен колхозного крестьянства. Автору следовало показать, в чем художественное своеобразие данной песни, как в ней используются те образы, о которых шла речь. Подобные примеры встречаются и при рассмотрении многих других произведений в ряде глав книги. Думается, этот недостаток вытекает из того, что авторы отделали анализ художественных и сти-

¹ См. «Советская этнография», 1955, № 4.

левых особенностей рассматриваемых жанров народной поэзии от их идейно-тематического изучения. Сказанное отнюдь не значит, что в книге нет удачных разделов. Нам кажется, что раздел «Художественные особенности советских народных песен» (автор А. М. Кинько), несмотря на ряд спорных теоретических положений, заслуживает большого внимания.

С изучением художественных особенностей народной поэзии тесно связано исследование ее национальной специфики. Сравнительный анализ произведений искусства различных народов дает огромные возможности для выявления и изучения его неповторимых национальных черт. Вполне естественно ожидать, что при изучении искусства народов СССР, в том числе литературы и фольклора, раскрытию национальных черт будет уделено достаточное внимание. Это тем более важно, что в некоторых работах игнорировались национальные особенности искусства; возникновение тех или иных явлений в нем почти целиком сводилось к влиянию культуры другого народа; конкретно-исторические истоки творчества и национальные традиции при этом фактически сводились на нет.

В рецензируемой книге совершенно правильно уделяется значительное внимание взаимовлиянию фольклора народов Советского Союза. В ней постоянно подчеркивается общность народной поэзии украинского, русского и других народов СССР, говорится о влиянии народно-поэтического творчества русского народа на фольклор украинцев (правда, не всегда это подтверждается анализом конкретного материала) и совсем недостаточно освещаются специфические национальные особенности украинского советского фольклора. Авторы книги не использовали возможностей сравнительного изучения, к которому они иногда прибегают. Вот несколько примеров. На стр. 41 после выдержки из песни «Сурма грає, ранок вже світає» говорится: «Полной аналогией по содержанию и художественным средствам отличается песня русского народа, посвященная той же теме. Сравним некоторые строки поэзии. В русской песне сказано:

Солнце яркое восходит,
И труба трубит поход.

Ту же картину имеем и в приведенной выше песне:

«Сурма грає, ранок вже світає...» Нечего и говорить о том, что подобное сравнение отдельных строк ничего не дает: образ играющей на рассвете трубы встречается не только в украинской и русской поэзии, но и у многих народов мира, особенно в их солдатских песнях. Кроме того, вывод о «полной аналогии по содержанию и художественным средствам» двух поэтических произведений делается на основании всего лишь четырех строк из русской песни «Солнце яркое восходит», процитированных в книге «Русское народное поэтическое творчество» (М.—Л., 1952, стр. 75), к которой и делается в сноске отсылка. Для автора главы не представляло большого труда взять сборник «Фронтная поэзия», которым пользовались ленинградские фольклористы, проанализировать песню «Солнце яркое восходит», сравнить ее с украинской и сделать тот или иной вывод, а желающих лично в этом удостовериться отослать к первоисточнику. Однако автор предпочел выбрать более легкий путь. Подобный способ изучения народной поэзии может бросить тень на научную обоснованность всей книги.

Формальные сопоставления и сравнения встречаются и в других местах книги. Так, на стр. 58 после песни «Гей, ще сонце не зійшло» говорится: «В идейном отношении она полностью созвучна песням братского русского колхозного крестьянства». Далее идет цитата из песни «За Уралом, за рекой». Хочется дополнить автора — не только русского, а всех народов Советского Союза. Ведь искусство их проникнуто социалистическим содержанием и одни и те же идеи воплощаются в их произведениях. А вот в чем проявляется национальное своеобразие воплощения этих идей? На этот вопрос и нужно пытаться дать ответ.

Очень интересной представляется затрагиваемая в книге «Українська народна поетична творчість» проблема взаимосвязи литературы и фольклора. Классики русской и украинской литературы оставили нам замечательные образцы творческого, а не механического использования народной поэзии. Одной из особенностей многонациональной советской литературы является использование ею передовых, прогрессивных начал в народной поэзии, ориентация на новые изобразительные средства, выработанные советским народом. Однако ввиду слабой теоретической разработанности данной проблемы, отсутствия хороших литературоведческих исследований и статей, в которых она решалась бы на конкретном материале, в работе профессиональных (особенно молодых) писателей зачастую творческое использование фольклора подменяется механическим перенесением его изобразительных средств в литературные произведения, встречаются случаи заимствования старых фольклорных форм для воплощения нового содержания (особенно часто в годы Великой Отечественной войны), смещения поэтики городского романа и народной крестьянской песни, что ведет к нарушению поэтического стиля и т. д. К сожалению, в большинстве работ, затрагивающих данную проблему, все сводится к констатации фактов без анализа и теоретического осмысления явлений.

Разделы рецензируемой книги, посвященные данной проблеме, а они есть в каждой главе, идут в русле аналогичных работ других исследователей. При чтении этих

разделов создается впечатление, что все писатели и поэты Украины наделены одинаково большим поэтическим чутьем, что ни у кого из них никогда не было творческих неудач. В тех случаях, когда в литературном произведении встречаются фольклорные мотивы или изобразительные средства, авторы не скупаются на эпитеты, чтобы похвалить писателя. Нам кажется, что если бы наряду с удачными произведениями в книге для сравнения были проанализированы плохие или творчески неоправданные случаи использования фольклора профессиональными авторами, то книга могла бы стать полезным пособием не только для студентов, но и для писателей. Исключение в книге представляет раздел «Использование советских пословиц и поговорок в художественной литературе» (автор П. Н. Попов), в котором наряду с положительными моментами отмечены и недостатки в использовании названных жанров народной поэзии. Данный раздел читается с гораздо большим интересом, чем другие. Его ценность состоит прежде всего в том, что он заставляет думать и внимательно анализировать произведения.

Замечания вызывают и некоторые положения авторов книги о развитии украинского фольклора. Если судить по книге «Українська народна поетична творчість», то украинский советский фольклор развивался гладко, без борьбы: высокая идейность была присуща ему с самого его зарождения. На деле народная поэзия, как и письменная литература, развивается от низшего к высшему. Известно, что социалистическое сознание и культура проникли в массы народа не сразу, что борьба с пережитками прошлого в сознании советских людей остается насущной задачей и в период полного построения социализма и перехода к коммунизму. Вполне естественно, что отсталые взгляды должны были найти и действительно находили отражение в фольклоре, особенно в 1920—1930-х годах. Враги советского народа не раз использовали воспитательные возможности устной поэзии, распространяя среди трудящихся города и деревни произведения, в которых в открытой или завуалированной форме выражались чуждые делу социализма взгляды. В борьбе с подобными произведениями и развивался советский фольклор. Борьба эта была не легкой, тем более, что опыт создания поэтических произведений с советской тематикой был еще невелик. Вследствие этого многие из них не отличались высокой художественностью, что умалало, естественно, их идейно-политическое воздействие. Широкое распространение получали «жестокые романсы», «блатные» песни и частушки. Вот почему при изучении народно-поэтического творчества нельзя умалчивать о недостатках, которые в нем имелись. Необходимо с научной добросовестностью вскрывать действительные процессы, происходившие в народной поэзии, и показывать, как развивалось новое, прогрессивное, как в борьбе с чуждыми или отсталыми произведениями росли идейность и художественное мастерство народа, которое впоследствии достигло высокого уровня.

В тесной связи с вышесказанным стоит вопрос об эстетическом критерии, которым должны руководствоваться фольклористы. Произведения народной поэзии — это произведения искусства; естественно поэтому, что необходима критическая оценка отбираемого для печати и исследования материала. В фольклоре, как и в профессиональном искусстве, не все равноценно в художественном отношении. Популяризировать следует только высокохудожественные произведения народного творчества. Одновременно должно быть указано, в чем слабость других произведений, привлекаемых для сравнения. В рецензируемой книге примеры подобраны в основном удачно. Однако в отдельных случаях цитируются слабые произведения, которым к тому же не всегда дается должная оценка. Сказанное особенно относится к последней главе книги «Сказки, легенды, рассказы», где наряду с высокохудожественными анализируются слабые произведения или даже произведения, не имеющие никакого отношения к искусству. Так, никак нельзя отнести к произведениям искусства цитируемые на стр. 324 воспоминания, в которых отсутствует основной признак художественного произведения — мысленные образы. В книге эти воспоминания приведены без какого-либо анализа, даже без указания на то, что это не произведения народной поэзии. Слабые произведения встречаются и в главе о думах. Правда, к чести ее автора П. Д. Павлия, на недостатки некоторых из них, в частности думы «Про Олега Кошевого», здесь указано. «Механическое перенесение приемов старых творцов дум, которые мы видим подчас у авторов советских дум, не ведет к положительным результатам», — справедливо отмечено в тезисах доклада М. Ф. Рьльского «Итоги работ и задачи изучения украинских дум и исторических песен»². Думается, что в учебное пособие «Дума про Олега Кошевого» может быть включена только как пример стилизаторства и механического использования поэтики традиционных дум.

Тщательному художественному анализу должно быть подвергнуто любое поэтическое произведение народного творчества, особенно же он необходим по отношению к произведениям, создаваемым отдельными мастерами народного искусства — кобзарями, колхозными и рабочими поэтами. В работах фольклористов последние должны находить беспристрастную оценку своего творчества, его достижений и недостатков. Только это поможет им совершенствовать свое художественное мастерство. Напротив

² Тезисы докладов на совещании, посвященном эпосу восточнославянских народов, Академия наук СССР, Академия наук УССР, Москва — Киев, 1955, стр. 21.

некритический подход и захваливание не могут оказать необходимой помощи творцам народной поэзии, принесут им только вред.

Из числа других недостатков книги надо отметить отсутствие в ней библиографических указателей использованной или рекомендуемой литературы. Как правило, в текстах глав (за исключением главы о частушках и колодыках) не упоминаются предшествующие работы, посвященные изучению тех или иных вопросов советского фольклора. Создается впечатление, что до выхода рецензируемой книги украинский советский фольклор никем не изучался.

Неясно, почему при рассмотрении фольклора Великой Отечественной войны не приведены произведения, направленные против украинских буржуазных националистов.

Встречаются в книге и некоторые фактические неточности. Так, на стр. 77 говорится о воссоединении с Советской Украиной в августе 1940 г. Северной Буковины и Бессарабии. Но хорошо известно, что Бессарабия никогда не воссоединялась с Советской Украиной: в 1940 г. из Молдавской АССР и Бессарабии была образована Молдавская ССР.

При дальнейшей работе над книгой, а она несомненно будет продолжаться, авторскому коллективу следует постараться избежать описательности, повторений, которые особенно часты при характеристике тех или иных периодов жизни советского народа. Эти повторения и описательность устроятся сами собой, если отмеченная выше иллюстративность при рассмотрении фольклора будет заменена анализом самих произведений народной поэзии.

Авторским коллективом проделана большая работа, в книге содержится ряд ценных и интересных наблюдений, собран и систематизирован большой фактический материал. Все это дает право надеяться, что за первой попыткой создания учебного пособия последует вторая, в которой будут реализованы все те творческие возможности, которыми располагает коллектив сотрудников Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР.

Б. П. Кирдан

Сказки и песни Вологодской области. Составители: С. И. Минц и Н. И. Савушкин и а. Под редакцией Э. В. Померанцевой и С. В. Викулова. Вологда, 1955.

Рецензируемый сборник является итогом длительной собирательской и исследовательской работы составителей. Тексты тщательно отобраны. В сборнике использованы записи участников экспедиции МГУ 1953—1954 гг., более 60% составляют архивные материалы Москвы, Ленинграда, Вологды, записанные в 1918—1954 гг. Это придает публикуемым текстам научную ценность. Сборник снабжен предисловием, написанным Э. В. Померанцевой, вступительной статьей С. И. Минца и Н. И. Савушкиной, содержательным комментарием, словарем местных слов, библиографией использованных сборников и статей. Он содержит три раздела: сказки, песни, частушки. В разделах: «Песни» и «Частушки» имеются жанровые и тематические рубрики. Очень удачно художником С. В. Кулаковым использованы мотивы народных орнаментов.

В кратком, но четком предисловии определена цель сборника: показать лучшие образцы народного искусства, бытующие в Вологодской области, их историческую и эстетическую значимость. С этой задачей составители сборника, на наш взгляд, справились успешно. Большой интерес представляет вступительная статья, имеющая научно-исследовательский характер. На конкретном материале прослежена история изучения и собирания вологодского фольклора от 1830-х годов до наших дней. При этом отчетливо выделена борьба передовых революционно-демократических течений с буржуазно-либеральными. В силу неразработанности вопроса эта глава особенно важна для истории русской науки о фольклоре. Длительный интерес собирателей к поэзии Вологодской области, высокие художественные качества текстов свидетельствуют о существовании здесь богатой народно-поэтической и музыкальной традиции. Живое бытование сказки в Вологодской области убеждает в ее устойчивости. Но вместе с тем сравнительное изучение современных записей и записей Афанасьева и братьев Соколовых позволяет сделать вывод о чертах новаторства в этом жанре. В сказках фантастических и бытовых значительно усилены патриотические и социальные мотивы. Так, например, в сказке «Матюша Пепельной» герой все время уговаривает слабого царя «не брать позора» в чужой земле, а в конце прогоняет его совсем. В записях же Афанасьева и бр. Соколовых герой остается на службе у царя. С развитием грамотности в репертуар сказочника все больше и больше проникают мотивы литературных произведений. Особенно заметно изменение идейного содержания в советскую эпоху на примерах бытовых сказок. По сравнению с записями бр. Соколовых в сказках, при сказках и небывлицах на темы о барах и попах значительно усилены критические элементы. В сказке «Беззаботный монастырь» сурово обличается безделье святых, которые «заяпятивали и забыли свечи зажечь, горят все огарки, да гаснут» и на земле звезд не видно (стр. 73). Гораздо рельефнее ощущается победа простого человека над барином и попом. Близость к действительности в бытовой сказке обнаруживается в сознательном стремлении сказочника приурочить события к определенной местности (стр. 78, 58); в употреблении современного словаря; в живых и остроумных замеча-